

ЗНАКОМЬТЕСЬ
АВТОР АЛЬМАНАХА
„СТАВРОПОЛЬЕ“

СЛЕДЫ ВЕДУТ...

ФЕЛИКС ПРОСУЖИХ
ОЧЕРК

Я — геолог. На Кавказе работаю шестой год. Странствия по горным ущельям, восхождения на трудные вершины, задушевные беседы у костра — все это привычно и мило. В этом — моя жизнь. Но, как у всякого человека, у меня есть увлечения, которым принадлежит все мое свободное время.

Более всего меня увлекает творчество и подробности жизни Михаила Юрьевича Лермонтова. Он стал мне близок не только потому, что в Пятигорске я живу рядом с домиком, где поэт провел последние дни своей жизни, нет. Я очень люблю его произведения, особенно написанные на Кавказе. Моему знакомству с этой горной страной во многом помогли лермонтовские изумительно красочные описания природы, суровых обычаев горских народов, верная передача характера кавказской войны.

Но в жизни Лермонтова и в его произведениях существует много загадок. Пожалуй, ни об одном русском поэте мы не знаем так мало достоверного, как о нем. Дневника он не вел, при жизни печатался мало, до нас дошло не так уж

много его писем. К тому же он погиб так рано...

Однако Лермонтов оставил после себя стихи, поэмы, рисунки... и это... следы. Как геолог, я знаю, что самые незначительные, на первый взгляд, немые следы при пристальном изучении и упорном труде оживают и начинают рассказывать удивительные вещи о прошлом. С одним любопытным следом в творчестве Лермонтова пришлось столкнуться и мне.

Однажды, перечитывая стихотворение «Валерик», я вдруг подумал: «Как странно, не по-чеченски звучит это название! Валерик...»

В нем было что-то французское, изысканное. Могло ли такое слово родиться в чеченском языке? А между тем, по Лермонтову, это именно так:

Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой; я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: — В а л е р и к ,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти...

Я часто бывал в местах, описанных Лермонтовым в этом стихотворении; видел я речку, и лес вокруг, и горы вдали. Там я близко познакомился с чеченцами и с любопытством прислушивался к звучанию их

необычного для русского человека языка. Эти резкие, гортанные звуки напоминали грозный рев горных потоков, движение снежных лавин.

— Нет! Не может быть! — решил я. — Это не чеченское слово.

И точно, сколько ни спрашивал я у местных жителей об этом, никто ничего не знал. — Такого слова в нашем языке нет, — дружно отвечали мне чеченцы. — Речка смерти не может быть. Смерть по-нашему — «мартан».

«Мартан?» — подумал я, пораженный услышанным. Наша экспедиция стояла тогда в селе, которое называлось Урус Мартан. Так это же «Смерть русским»? Почему возникло такое название? Какая история скрывается за этим?

Стал я просиживать в библиотеках все свободные вечера, и вот что я узнал. Когда в середине XVIII века донские казаки стали селиться здесь, в плодородной долине Терека, чеченцы, как и другие народы Кавказа, приняли их дружелюбно. В помощи русского народа они видели защиту от турецких посягательств на их свободу. Они встречались с русскими на базарах, звали друг друга в гости, веселились на свадьбах, становились «кунаками».

Но эти мирные отношения простых людей вскоре были нарушены соображениями «высокой» политики царизма. Император милостиво раздаривал своим приближенным новые вотчины и посылал войска для их охраны. Новые владения закреплялись за хозяевами самыми варварскими, колониальными методами.

Написано об этом очень много, но потрясла меня одна маленькая ученическая тетрадка, которая хранится в фондах музея «домика Лермонтова» в Пятигорске: **«Извлечения из «Чернового журнала военных действий на левом фланге Кавказской линии под началом генерал-лейтенанта Галафеева».** Вот как выглядят эти извлечения: 6 июля 1840 года.

«...неприятель стал показываться в малом числе и завел перестрелку с казаками, посланными для истребления засеянных полей...»

«...Отряд, предав селение это с значительными садами пламени, двинулся дальше. Истреблены близлежащие засеянные поля...»

7 июля 1840 года.

«...сжегши Дадур-юрт...»

И снова горит чеченская земля, гибнут хлеба и сады, целые селения охвачены огнем. Мирные жители, дети, женщины, старики бегут в горы. Проклятья и плач стоят вокруг... В заключение этого дня царский Генерал пишет:

«...Здесь я выбрал и осмотрел место для будущего укрепления и, дабы при возведении оногo места иметь вблизи необходимые

материалы, я решился не истреблять как деревню Чах-Гери, так и деревню Большую Ачаху».

Девять сел, огромные площади, засеянные пшеницей и кукурузой, уничтожил за четыре дня генерал, под командованием которого находился и наш опальный поэт, сосланный сюда царем под пули.

После жестокой, кровопролитной битвы Лермонтов лег в высокую траву в тени деревьев, вытащил блокнот, карандаш и под свежим впечатлением стал писать стихотворение. Он назвал его «Валерик». Читая его, невозможно не вспомнить другое:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, Французу отдана...

Огромная разница между этими двумя произведениями.

«Бородино» — классический образец патриотической лирики. А в «Валерике» Лермонтов хотя и отмечает храбрость русских солдат, их готовность умереть, но не находит зажигающих образов, присущих тем, которые он воспел в стихах о «Бородине». Не чувствуется в этом стихотворении ни уверенности в правоте сражающихся солдат, ни особого патриотизма, ни мысли о необходимости жертвовать собой.

Вот какая мысль звучит в «Валерике»:

И с грустью тайной и сердечной Я думал: жалкий человек. Чего он хочет!.. небо ясно,

Под небом места много всем, Но беспрестанно и напрасно Один враждует он — зачем?

Теперь я знал, каким образом могло возникнуть в центре страны, неподалеку от русской крепости Грозной селение с названием Урус Мартам — смерть русским!

Но тайна названия Валерик по-прежнему оставалась неразгаданной. Однажды я возвращался из поездки по Чечено-Ингушетии, устроившись поудобнее в кузове грузовой машины. По дороге нам встретился чеченский парень в спортивном костюме. Он поднял руку, и мы остановились.

— Куда путь держите? — спросил он, смущенно улыбаясь.

— В Пятигорск, — донесся из кабины голос шофера.

— Подвезите, пожалуйста.

— Садись,

Он бросил мне свой рюкзак и легко перепрыгнул через борт. Мы быстро разговорились с ним. Его дружелюбие располагало к себе, меня удивила его чистая, звучная русская речь, богатая интонациями и лишённая всякого акцента. Оказалось, что это студент. Мы проезжали Валерик, и я спросил у своего попутчика, что ему известно об этой речке.

— Валерик? — переспросил он. — Да, я слышал о ней, но никогда не бывал здесь. Ведь я живу в городе.

Тогда я прочел ему наизусть отрывок из стихотворения, где Лермонтов дает объяснение этому названию.

— Да-да, я помню стихи,— живо отозвался мой спутник.— Только речка смерти называлась бы Мартан-акх. Ошибся этот Галуб.

— А, может быть, соврал?

— Возможно, — пожал он плечами.

— Послушайте, мне очень хочется в этом разобраться. Подумайте-ка, нет ли в вашем языке какого-нибудь близкого, похожего слова? Оно могло исказиться до неузнаваемости. Говорят же у вас «урус» вместо «русский».

— Хм... Ва-ле-рик, — рассеянно повторил он и вдруг оживился: — Подождите!.. Есть... есть у нас одно выражение. Оно действительно напоминает слово Валерик.

И тут он совершенно другим голосом, глубоким и резким произнес:

— Валларык!

— Как-как? — переспросил я, волнуясь.

— Валларык!

— Что же означает это слово?

— Да не слово, выражение такое. М-м-м,— замялся юноша,— точно его не переведешь. Ну ладно, примерно так: помереть бы тебе!

— Так это выражение означает пожелание смерти? — спросил я.

— Ну да, когда хотят, чтобы человек умер, говорят: — Валларык!

— Чтоб ты сдох! — вырвалось у меня. — Сдохни, собака!

— Вот-вот, — оживился студент, — произносится это с ненавистью. Валларык!— Сдохни, пес!

Я откинулся на борт и устало закрыл глаза. Все прочитанное, пережитое, накопившееся где-то в глубине души вдруг выплеснулось и стало разворачиваться передо мной в стройную, живую картину. То, что я увидел, было так ярко, так правдиво и жутко, как будто это происходило наяву.

...Долина светлой, серебристой речки. Несколько деревцев опустили свои ветви в воду. У горизонта клубами стелется черный дым, а на возвышенном берегу трепещет пологими белая шатровая палатка. На полковом барабане сидит генерал. Тот самый, Галафеев. Мимо быстро движутся колонны войск. Цокот копыт.

— Карту, — тихо, но внятно требует генерал, и перед ним ставят раздвижной столик. Офицер изящным движением разворачивает на нем белый лист с тщательно расчерченным планом местности. Генерал вооружает глаз моноклем и склоняется над картой. Офицер услужливо коснулся пальцами голубой реки.

— Здесь? — спрашивает генерал.

— Так точно, ваше высокопревосходительство.

— Как же называется сия речка, господин капитан?

Молчание.

— Ну? — поднял голову генерал.

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство.

— Прискорбно-с. Уж когда бой-то окончился, а вы до сей поры не удосужились

выведать у пленных названия речки.

— Осмелюсь доложить, — заметил адъютант в форме полковника, стоявший позади. — Пленные обозлены и не желают отвечать.

— Не желают? Хм... Это любопытно, — генерал роняет монокль в ладонь. — Приведите переводчика и пленный.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, — адъютант звякает шпорами и исчезает. Генерал дышит на стеклышко и протирает его платком. На поляну перед палаткой часовые выталкивают прикладами человек десять бородатых чеченцев. Руки их связаны. За ними следом робкими шагами выходит одетый в русскую форму без погон Галуб — «мирной чеченец». Он приближается к генералу и неуверенно останавливается шагах в десяти.

— Послушай, любезный, не знаешь ли ты, как называется сия река?

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство. Я не здесь живу, далеко отсюда, в горах.

— Полно, братец! Да велика ли твоя страна? Много ли в ней рек-то? А ты не знаешь... Ну хорошо, любезнейший, тогда вот что: спроси-ка ты у своих, как она называется.

— Сичас, сичас, ваше высокопревосходительство, — Галуб повернулся к пленным и задал им вопрос по-своему. Пленные молчали, смотря в сторону. Галуб закричал на них, — и они в ответ сверкнули глазами так, что тот отшатнулся. Молодой,

измазанный в крови чеченец плюнул и его сторону и стал что-то говорить ему.

Ни генерал, ни окружавшие его офицеры ничего не понимали из этого разговора, но они оживились. Некоторые придвинулись поближе. Проклятия, звучные, испепеляющие сыпались на испуганного толмача.

Сверкнул монокль в глазнице генерала и упал, покотившись по земле. Генерал поморщился и махнул рукой адъютанту:

— Полковник, прикажите... шомполов.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, — услужливо нагнулся тот за стеклышком.

Чеченца схватили несколько дюжих солдат, сорвали с него рубаху и повалили на траву в сторонке. Раздался свист стальных прутьев и сдавленный стон пленного. Связанные чеченцы рванулись было вперед, но наткнулись на штыки и, глухо зароптав, тесно сгрудились.

Когда истязаемый изнемог, потеряв сознание, генерал жестом остановил экзекуцию и снова обратился к толмачу:

— Спроси-ка у них, братец, будут ли они говорить теперь?

Галуб перевел его слова своим соплеменникам и сказал генералу:

— Так что, они готовы, ваше шество.

— Вот и превосходно, давно бы так. Ну и пусть изволят отвечать, как она называется.

И вот тогда вперед выступил самый старший из

пленных. Держался он прямо и гордо. Его седая голова была аккуратно повязана черной чалмой. Загадочно взглянув на толмача, он тихо сказал генералу:

— Валларык!

И загудели пленные, точно потревоженный улей, и закивали головами.

Валларык, Валларык», — приговаривали они, скаля ослепительно белые зубы.

— Как-как? — не понял генерал. — Повтори-ка, эй, любезнейший!

— Валларык! — громко крикнул старик, подойдя совсем близко и смотря на генерала в упор.

— Валларык? — спросил генерал, пожимая плечами. — Хм... Какое ужасное слово. Что же сие означает?

Толмач, бледный от страха, косясь на связанных соотечественников, грозных своей ненавистью и непримиримостью, перевел заплетающимся языком:

— Так что, ваше шество, помереть... смерть... Они говорят, речка смерти это.

— Речка смерти? — усмехнулся генерал. — Что ж, неплохое название, не правда ли, полковник?

— Так точно, ваше высокопревосходительство, очень остроумное название.

— Да-с, весьма, весьма, Валларык — речка смерти. Пишите, сударь, на вашей карте: Валларык — река смерти врагов русского

государя и отечества. Валларык! — проскандировал генерал Галафеев под одобрительный ропот свиты.

— Только вот звучит, — он поморщился, — Варварски. Ну да ладно... А этих, —

генерал взглянул на пленных и усмехнулся. — Убрать. Пусть это будет настоящая река смерти. Надолго запомнят враги Валерикские события, господа! — генерал обвел глазами улыбающихся офицеров.

Солдаты штыками и прикладами погнали пленных, и они, сопротивляясь, выкрикивали генералу:

— Валларык! Валларык! — Сдохни, собака! Чтоб ты сдох!

И долго еще до ушей Галафеева и его свиты доносилось это странное, незнакомое слово, пока громкий залп не положил этому конец. Генерал осторожно, двумя пальцами взял монокль, подышал на него, протер и положил на карту. Потом он обнажил голову и широко перекрестился. Одинокой слезой сверкала зеркальная поверхность линзы на столе...

— А вот и поворот, — вывел меня из задумчивости громкий голос моего попутчика.

Я осмотрелся. Действительно, мы приближались к указателю, который предупреждал, что через двести метров будет поворот на село Валерик.

Вернувшись в Пятигорск, я отправился к заведующей фондами «Домика Лермонтова». Ввалился я к ней и кричу:

— Изабелла Григорьевна, послушайте, что я узнал!

— Что? Что такое?

Рассказываю ей все: то изображая генерала то втягивая голову в плечи, как Галуб. «Валларык!»

произношу сквозь стиснутые зубы.

Смеется Изабелла Григорьевна и машет рукой: — Ну вас, молодой человек. Спору нет — красиво вы придумали. Звучит правдоподобно, но!.. Где у вас доказательства?

— Какие еще доказательства? — оторопел я.

— Доказательства того, что это слово звучало именно так, а не иначе, а? Вот то-то. Положим, я вам верю, а другие? Знаете, что вам ответят? Богатая фантазия, у этого геолога. Но наука требует более обоснованных предположений.

— Гм... Где же я их возьму, эти доказательства, будь они неладны?

— Ищите — это все, что я могу вам посоветовать.

Легко сказать, «ищите»! На это нужно свободное время, которое выпадает не так уж часто, и специальное разрешение пользоваться архивными материалами. И все же я искал, как мог. Прошло три года, но дело не продвинулось ни на шаг. Между тем я был совершенно уверен, что эти доказательства где-то существуют.

И вот недавно, выбрав свободное время, зашел я в те же фонды совершенно по другому делу. Интересовали меня материалы дуэли поэта, которые хранились в отдельной папке. Изабелла Григорьевна положила ее передо мной и села за свой стол работать. Сижу и я, перебирая пожелтевшие рукописи, вырезки из «Нивы» и других старинных журналов, письма... Вдруг вижу тоненькую пачку

любительских фотоснимков с различных документов периода Валерикских событий. Как они туда попали, не понимаю. Здесь были снимки с общеизвестных, не раз публиковавшихся официальных бумаг. А вот еще что-то. Карта!

Читаю нечеткую, расплывчатую надпись в оглавлении: «План части Валерикского леса и его окрестностей, где происходили дела 11-го июля 1840 года».

Снимок плох. Линии едва различимы, но я вижу все: и замысловатые очертания леса, и почти прямую линию реки, протянувшуюся с юга на север, и условные квадратики боевых частей...

А где же название реки?.. Да вот же оно, чу-у-уть виднеется вдоль линии речки. Разобрать ничего невозможно, этакая досада!.. Впрочем, в оглавлении плана прямо указывается на «часть Валерикского» леса, а не на часть «Валларыкского». Неужели я ошибся? Но все же надпись у реки, хотя она и не разборчива, но это... это не Валерик! Нет!

— Изабелла Григорьевна! — говорю я тихо.

— Что? — вздрагивает она и оборачивается.

— У вас есть какая-нибудь линза?

— Фу ты, испугал. Что там у вас еще стряслось?

— Да вот хочу надпись прочесть, плохо вижу.

Изабелла Григорьевна достает из ящика письменного стола линзу, величиной с тарелку, и подает.

— Спасибо!.. Вал... Валла... Валларык!

— Ох, — вырывается у меня. — Изабелла Григорьевна, дорогая, посмотрите-ка на эту надпись, что-то я не могу разобрать. Что там написано?

Берет она снимок и линзу, включает настольную лампу и склоняется над столом. Тихо стало, слышно только, как чаем тикают. А может быть, это сердце отбивает секунды...

— Ну что там? — не терпится мне. — Что?

Наконец Изабелла Григорьевна отрывается от снимка и встает: — Что же, молодой человек, могу вас поздравить. Вы были правы, здесь написано Валларык. Вот вам и доказательство!

...Долго еще сидел я в задумчивости. И передо мной вставали картины прошлого. Бесмысленно жестокие лица тех, кто убивал, и сверкающие благородным гневом глаза тех, кого убивали, тех, борющихся за свою свободу, за свою землю.

...Как необузданные воды Терека, текли десятилетия. Сменялись поколения. Очистительная гроза Октября изменила облик Кавказа и смысла грязь бесправия с этой земля. Легко и свободно вздохнули горские народы и зажили дружной семьей. И недаром из памяти чеченского народа начисто стерто истинное значение слова — Валларык!

